

ПЯТЬ ДНЕЙ *23--27 февраля 1917*

23 февраля было международным женским днем. Его предполагалось в социал-демократических кругах отметить в общем порядке: собраниями, речами, листовками. Накануне никому в голову не приходило, что женский день может стать первым днем революции. Ни одна из организаций не призывала в этот день к стачкам. Более того, даже большевистская организация, притом наиболее боевая: комитет Выборгского района, сплошь рабочего, удерживала от стачек. Настроение масс, как свидетельствует Каюров, один из рабочих вожakov района, было очень напряженным, каждая стачка грозила превратиться в открытое столкновение. А так как комитет считал, что для боевых действий время не пришло: и партия недостаточно окрепла, и у рабочих мало связей с солдатами, то постановил не звать на забастовки, а готовиться к революционным выступлениям в неопределенном будущем. Такую линию проводил комитет накануне 23 февраля, и, казалось, все ее принимали. Но на другое утро, вопреки всяким директивам, забастовали текстильщицы нескольких фабрик и выслали к металлистам делегатов с призывом о поддержке стачки. "Скрепя сердце", пишет Каюров, пошли на это большевики, за которыми потянулись рабочие -- меньшевики и эсеры. Но раз массовая стачка, то надо звать на улицу всех и самим стать во главе: такое решение провел Каюров, и Выборгскому комитету пришлось одобрить. "Мысль о выступлении давно уже зрела между рабочими, только в тот момент никто не предполагал, во что он выльется". Запомним это показание участника, очень важное для понимания механики событий.

Считалось заранее несомненным, что, в случае демонстрации, солдаты будут выведены из казарм на улицы, против рабочих. К чему это приведет? Время военное, власти шутить не склонны. Но, с другой стороны, "запасной" солдат военного времени -- это не старый солдат кадровой армии. Так ли уж он грозен? На эту тему в революционных кругах рассуждали хоть и много, но скорее отвлеченно, ибо никто, решительно никто -- это можно на основании всех материалов утверждать категорически -- не думал еще в то время, что день 23 февраля станет началом решительного наступления на абсолютизм. Речь шла о демонстрации с неопределенными, но во всяком случае ограниченными перспективами.

Факт, следовательно, таков, что Февральскую революцию начали снизу, преодолевая противодействие собственных революционных организаций, причем инициативу самовольно взяла на себя наиболее угнетенная и придавленная часть пролетариата -- работницы-текстильщицы, среди них, надо думать, немало солдатских жен. Последним толчком послужили возросшие хлебные хвосты. Бастовало в этот день около 90 тысяч работниц и рабочих. Боевое настроение вылилось в демонстрации, митинги и схватки с полицией. Движение развернулось в Выборгском районе, с его крупными предприятиями, оттуда перекинулось на Петербургскую сторону. В остальных частях города, по свидетельству охраны, забастовок и

демонстраций не было. В этот день на помощь полиции вызывались уже и воинские наряды, по-видимому, немногочисленные, но столкновений с ними не происходило. Масса женщин, притом не только работниц, направилась к городской думе с требованием хлеба. Это было то же, что от козла требовать молока. Появились в разных частях города красные знамена, и надписи на них свидетельствовали, что трудящиеся хотят хлеба, но не хотят ни самодержавия, ни войны. Женский день прошел успешно, с подъемом и без жертв. Но что он таил в себе, об этом и к вечеру не догадывался еще никто.

На другой день движение не только не падает, но вырастает вдвое: около половины промышленных рабочих Петрограда бастует 24 февраля. Рабочие являются с утра на заводы, не приступая к работе, открывают митинги, затем начинаются шествия к центру. В движение втягиваются новые районы и новые группы населения. Лозунг: "Хлеба" оттеснен или перекрыт лозунгами: "Долой самодержавие" и "Долой войну". Непрерывные демонстрации на Невском проспекте: сперва компактными массами рабочие, с пением революционных песен, позднее пестрая городская толпа, и в ней синие фуражки студентов. "Гуляющая публика относилась к нам сочувственно, а из некоторых лазаретов солдаты приветствовали нас маханием, кто чем мог". Многие ли отдавали себе отчет в том, что несет с собой это сочувственное махание больных солдат по адресу демонстрирующих? Но казаки беспрерывно, хоть и без ожесточения, атаковывали толпу, лошади их были в мыле; демонстранты раздавались по сторонам и снова смыкались. Страха в толпе не было. "Казаки обещают не стрелять", -- передавалось из уст в уста. Очевидно, у рабочих были с отдельными казаками беседы. Позже, однако, с руганью появились полупьяные драгуны, врезались в толпу, стали бить пиками по головам. Демонстранты изо всех сил крепились, не разбегаясь. "Стрелять не будут". Действительно, не стреляли.

Либеральный сенатор наблюдал на улицах мертвые трамваи, -- или это было на следующий день, и память ему изменила? -- иные с разбитыми стеклами, а иные боком на земле около рельсов, и вспоминал июльские дни 1914 года, накануне войны: "Казалось, что возобновляется старая попытка". Глаз сенатора не обманул его -- преюмственность была очевидна: история подхватывала концы разорванной войною революционной нити и связывала их узлом.

В течение всего дня толпы народа переливались из одной части города в другую, усиленно разгонялись полицией, задерживались и оттеснялись кавалерийскими и отчасти пехотными частями. Наряду с криком "долой полицию!" раздавалось все чаще "ура!" по адресу казаков. Это было знаменательно. К полиции толпа проявляла свирепую ненависть. Конных городских гнали свистом, камнями, осколками льда. Совсем по-иному подходили рабочие к солдатам. Вокруг казарм, около часовых, патрулей и цепей стояли кучки рабочих и работниц и дружески перекидывались с ними словами. Это был новый этап, который возник из роста стачки и из очной ставки рабочих с армией. Такой этап неизбежен в каждой революции. Но он

всегда кажется новым и действительно ставится каждый раз по-новому: люди, которые читали и писали о нем, не узнают его в лицо.

В Государственной думе в этот день рассказывалось, что громадная масса народа сплошь залила всю Знаменскую площадь, весь Невский проспект и все прилегающие улицы и что наблюдалось совершенно небывалое явление: казаков и полки с музыкой толпа, революционная, а не патриотическая, провожала кличем "ура". На вопрос, что все это значит, первый встречный ответил депутату: "Полицейский ударил женщину нагайкой, казаки вступились и прогнали полицию". Так ли произошло это действительно или иначе, этого никто не проверит. Но толпа верила, что это так, что это возможно. Вера эта не с неба свалилась, она возникла из предшествующего опыта и потому должна была стать залогом победы.

Рабочие Эриксона, одного из передовых заводов Выборгского района, после утреннего собрания всей массой в 2500 человек вышли на Сампсониевский проспект и в узком месте наткнулись на казаков. Грудью коней пробивая дорогу, первыми врезались в толпу офицеры. За ними во всю ширину проспекта скачут казаки. Решительный момент! Но всадники осторожно, длинной лентой проехали через только что проложенный офицерами коридор. "Некоторые из них улыбались, -- вспоминает Каюров, -- а один хорошо подмигнул рабочим". Неспроста подмигнул казак. Рабочие осмелели дружественной, а не враждебной к казакам смелостью и слегка заразили ею этих последних. Подмигнувший нашел подражателей. Несмотря на новые попытки офицеров, казаки, не нарушая открыто дисциплины, не разгоняли, однако, напористо толпу, а протекали через нее. Так повторилось три-четыре раза, и это еще более сблизило обе стороны. Казаки стали поодиночке отвечать рабочим на вопросы и даже вступать в мимолетные беседы. От дисциплины осталась самая тоненькая и прозрачная оболочка, которая грозила вот-вот прорваться. Офицеры поспешили оторвать разъезд от толпы и, отказавшись от мысли разогнать рабочих, поставили казаков поперек улицы заставой, чтобы не пропускать демонстрантов к центру. И это не помогло: стоя на месте честь честью, казаки не препятствовали, однако, "нырянию" рабочих под лошадей. Революция не выбирает по произволу своих путей: на первых шагах она продвигалась к победе под брюхом казачьей лошади. Замечательный эпизод! И замечателен глаз рассказчика, который запечатлел все изгибы процесса. Немудрено, рассказчик был руководителем, за ним было свыше двух тысяч человек: глаз командира, который опасается вражеских нагаек или пуль, смотрит зорко.

Перелом в армии наметился как будто прежде всего на казаках, исконных усмирителях и карателях. Это не значит, однако, что казаки были революционнее других. Наоборот, эти крепкие собственники, на своих лошадях, дорожившие своими казацкими особенностями, пренебрежительные к простым крестьянам, недоверчивые к рабочим, заключали в себе много элементов консерватизма. Но именно поэтому перемены, вызванные войною, ярче были заметны на них. А кроме того, ведь именно их дергали во все стороны, их посылали, их сталкивали лицом к лицу

с народом, их нервировали и первыми подвергли испытанию. Им все это осточертело, они хотели домой и подмигивали: делайте, мол, если умеете, мы мешать не будем. Однако все это были лишь многозначительные симптомы. Армия еще армия, она связана дисциплиной, и основные нити в руках монархии. Рабочие массы безоружны. Руководители и не помышляют еще о решающей развязке.

В этот день на заседании совета министров стоял в числе других вопросов вопрос о беспорядках в столице. Стачка? Демонстрации? Не в первый раз. Все предусмотрено, распоряжения отданы. Простой переход к очередным делам.

Каковы же распоряжения? Несмотря на то что в течение 23-го и 24-го избито 28 полицейских, -- подкупающая точность подсчета! -- начальник войск округа генерал Хабалов, почти диктатор, еще не прибегал к стрельбе. Не от добродушия: все было предусмотрено и размечено заранее, и для стрельбы было свое время.

Революция застигла врасплох только в смысле момента. Но, вообще говоря, оба полюса, -- революционный и правительственный, тщательно готовились к ней, готовились много лет, готовились всегда. Что касается большевиков, то вся их деятельность после 1905 года была не чем иным, как подготовкой ко второй революции. Но и деятельность правительства в огромной своей доле являлась подготовкой к подавлению новой революции. Эта область правительственной работы приняла осенью 1916 года особенно планомерный характер. Комиссия под председательством Хабалова закончила к середине января 1917 года очень тщательную разработку плана разгрома нового восстания. Город был разбит на шесть полицмейстерств, которые делились на районы. Во главе всех вооруженных сил ставился командир гвардейских запасных частей генерал Чебыкин. Полки были расписаны по районам. В каждом из шести полицмейстерств полиция, жандармерия и войска объединялись под командой особых штаб-офицеров. Казачья конница оставалась в распоряжении самого Чебыкина для операций более крупного масштаба. Порядок расправы был намечен такой: сперва действует одна лишь полиция, затем выступают на сцену казаки с нагайками и, лишь в случае действительной необходимости, пускаются в дело войска с ружьями и пулеметами. Именно этот план, представлявший развитие опыта 1905 года, применялся в февральские дни на деле. Беда была не в отсутствии предусмотрительности и не в пороках самого плана, а в человеческом материале. Здесь грозила большая осечка.

Формально план опирался на весь гарнизон, насчитывавший полтора ста тысяч солдат; но в действительности в расчет вводилось всего каких-нибудь тысяч десять:

помимо городских, которых было 3 1/2 тысячи, твердая надежда была еще на учебные команды. Это объясняется характером тогдашнего петроградского гарнизона, состоявшего почти исключительно из частей запаса, прежде всего из 14 запасных батальонов при гвардейских полках, находившихся на фронте. Кроме того, в гарнизон входили: один запасный

пехотный полк, запасный самокатный батальон, запасный броневой дивизион, небольшие саперные и артиллерийские части и два донских казачьих полка. Это было очень много, слишком много. Разбухшие запасные части состояли из человеческой массы, либо почти не подвергшейся обработке, либо успевшей освободиться от нее. Да ведь такой была, в сущности, и вся армия.

Хабалов тщательно придерживался им же выработанного плана. В первый день, 23-го, подвизалась исключительно полиция, 24-го была выведена на улицы преимущественно кавалерия, но лишь для действия нагайкой и пикой. Использование пехоты и применение огня ставилось в зависимость от дальнейшего развития событий. Но события не заставили себя ждать.

25-го стачка развернулась еще шире. По правительственным данным, в ней участвовало в этот день 240 тысяч рабочих. Более отсталые слои подтягиваются по авангарду, бастует уже значительное число мелких предприятий, останавливается трамвай, не работают торговые заведения. В продолжение дня к стачке примкнули и учащиеся высших учебных заведений. Десятки тысяч народу стекаются к полудню к Казанскому собору и примыкающим к нему улицам. Делаются попытки устраивать уличные митинги, происходит ряд вооруженных столкновений с полицией. У памятника Александру III выступают ораторы. Конная полиция открывает стрельбу. Один оратор падает раненый. Выстрелами из толпы убит пристав, ранен полицмейстер и еще несколько полицейских. В жандармов бросают бутылки, петарды и ручные гранаты. Война научила этому искусству. Солдаты проявляют пассивность, а иногда и враждебность к полиции. В толпе возбужденно передают, что, когда полицейские начали стрельбу по толпе возле памятника Александру III, казаки дали залп по конным фараонам (такова кличка городских), и те принуждены были ускакать. Это, видимо, не легенда, пущенная в оборот для поднятия собственного духа, так как эпизод, хоть и по-разному, подтверждается с разных сторон.

Рабочий-большевик Каюров, один из подлинных вождей в эти дни, рассказывает, как демонстранты разбежались в одном месте под нагайками конной полиции, на виду у казачьего разъезда, и как он, Каюров, и с ним еще несколько рабочих не последовали за убежавшими, а, сняв шапки, подошли к казакам со словами: "Братья-казаки, помогите рабочим в борьбе за их мирные требования, вы видите, как разделяются фараоны с нами, голодными рабочими. Помогите!" Этот сознательно приниженный тон, эти шапки в руках -- какой меткий психологический расчет, неподражаемый жест! Вся история уличных боев и революционных побед кишит такими импровизациями. Но они тонут бесследно в пучине больших событий -- историкам остается шелуха общих мест. "Казаки как-то особенно переглянулись, -- продолжает Каюров, -- и не успели мы отойти, как бросились в происходящую свалку". А через несколько минут у вокзальных ворот толпа качает на руках казака, который на ее глазах зарубил шашкой полицейского пристава.

Полиция скоро совсем исчезла, т. е. стала действовать исподтишка. Зато появились с ружьями наперевес солдаты. Рабочие бросают им тревожно: "Неужели, товарищи, вы пришли помогать полиции?" В ответ грубое "проходи". Новая попытка заговорить кончается тем же. Солдаты угрюмы, их гложет червь, и им невтерпеж, когда вопрос попадает в самый центр их тревоги.

Разоружение фараонов становится тем временем общим лозунгом. Полиция -- лютый, непримиримый, ненавидимый и ненавидящий враг. О завоевании ее на свою сторону не может быть и речи. Полицейских избивают или убивают. Совсем иное войска: толпа изо всех сил избегает враждебных столкновений с ними, наоборот, ищет путей расположить их к себе, убедить, привлечь, породнить, слить с собою. Несмотря на благоприятные слухи о поведении казаков, может быть, слегка и преувеличенные, толпа к коннице относится все же с опаской. Кавалерист воздымается высоко над толпой, и его душа отделена от души демонстранта четырьмя ногами лошади. Фигура, на которую приходится глядеть снизу вверх, кажется всегда значительнее и грознее. Пехота -- тут же, рядом, на мостовой, ближе и доступнее. К ней масса старается подойти вплотную, заглянуть ей в глаза, обдать ее своим горячим дыханием. Большую роль во взаимоотношениях рабочих и солдат играют женщины-работницы. Они смелее мужчин наступают на солдатскую цепь, хватаются руками за винтовки, умоляют, почти приказывают: "Отнимите ваши штыки, присоединяйтесь к нам". Солдаты волнуются, стыдятся, они тревожно переглядываются, колеблются, кто-нибудь первым решается, и -- штыки виновато поднимаются над плечами наступающих, застава разомкнулась, радостное и благодарное "ура" потрясает воздух, солдаты окружены, везде споры, укоры, призывы -- революция делает еще шаг вперед.

Николай прислал из ставки телеграфное повеление Хабалову "завтра же" прекратить беспорядки. Воля царя совпадала с дальнейшим звеном хабаловского "плана", так что телеграмма послужила лишь дополнительным толчком. Завтра должны будут заговорить войска. Не поздно ли? Пока еще сказать нельзя. Вопрос поставлен, но далеко еще не решен. Потачки со стороны казаков, колебания отдельных пехотных застав -- лишь многообещающие эпизоды, повторенные тысячекратным эхом чуткой улицы. Этого достаточно, чтобы воодушевить революционную толпу, но слишком мало для победы. Тем более что есть эпизоды и противоположного характера. Во второй половине дня взвод драгун, будто бы в ответ на револьверные выстрелы из толпы, впервые открыл огонь по демонстрантам у Гостиного Двора: по донесению Хабалова в ставку, убитых трое и десять ранено. Серьезное предупреждение! Одновременно Хабалов пригрозил, что все рабочие, состоящие на учете как призывные, будут отправлены на фронт, если до 28-го не приступят к работам. Генерал предъявил трехдневный ультиматум, т. е. дал революции больший срок, чем ей понадобится, чтобы свалить Хабалова и монархию в придачу. Но это известно станет только

после победы. А вечером 25-го никто еще не знал, что несет в своем чреве завтрашний день.

Постараемся яснее представить себе внутреннюю логику движения. Под флагом "женского дня" 23-го февраля началось долго зревшее и долго сдерживавшееся восстание петроградских рабочих масс. Первой ступенью восстания была стачка. В течение трех дней она ширилась и стала практически всеобщей. Это одно придавало массе уверенность и несло ее вперед. Стачка, принимая все более наступательный характер, сочеталась с демонстрациями, которые сталкивали революционную массу с войсками. Это поднимало задачу в целом в более высокую плоскость, где вопрос разрешается вооруженной силой. Первые дни принесли ряд частных успехов, но более симптоматического, чем материального, характера. Революционное восстание, затянувшееся на несколько дней, может развиваться победоносно только в том случае, если оно повышается со ступени на ступень и отмечает новые и новые удачи. Остановка в развитии успехов опасна, длительное топтание на месте губительно. Но даже и самих по себе успехов мало, надо, чтобы масса своевременно узнавала о них и успевала их оценить. Можно упустить победу и в такой момент, когда достаточно протянуть руку, чтобы взять ее. Это бывало в истории.

Три первых дня были днями непрерывного повышения и обострения борьбы. Но именно по этой причине движение достигло того уровня, когда симптоматические удачи становились уже недостаточными. Вся активная масса вышла на улицы. С полицией она справлялась успешно и без труда. Войска в последние два дня уже были втянуты в события: на второй день -- только кавалерия, на третий -- также и пехота. Они оттесняли и преграждали, иногда попустительствовали, но к огнестрельному оружию почти не прибегали. Сверху не торопились нарушать план, отчасти недооценивая то, что происходит, -- ошибка зрения реакции симметрично дополняла ошибку руководителей революции, -- отчасти не будучи уверены в войсках. Но как раз третий день, силою развития борьбы, как и силою царского приказа, сделал неизбежным для правительства пустить в ход войска уже по-настоящему. Рабочие поняли это, особенно передовой слой, тем более что накануне драгуны уже стреляли.

Вопрос вставал теперь в полном объеме перед обеими сторонами.

В ночь на 26 февраля в разных частях города было арестовано около сотни лиц, принадлежавших к различным революционным организациям, в том числе пять членов Петербургского комитета большевиков. Это тоже знаменовало переход правительства в наступление. Что-то будет сегодня? Какими проснутся рабочие после вчерашней стрельбы? А главное: что скажут войска? Утренняя заря 26 февраля занималась в тумане неопределенности и острой тревоги.

Ввиду ареста Петроградского комитета руководство всей работой в городе перешло в руки Выборгского района. Может быть, это и к лучшему: высшее руководство партии запаздывает безнадежно. Только утром 25-го бюро Центрального Комитета большевиков решило, наконец, выпустить

листовку с призывом ко всероссийской всеобщей стачке. К моменту выхода листка, если он вообще вышел, всеобщая стачка в Петрограде уперлась уже целиком в вооруженное восстание. Руководство наблюдает сверху, колеблется и отстает, т. е. не руководит. Оно плетется за движением.

Чем ближе к заводам, тем больше решимости. Однако сегодня, 26-го, и в районах тревога. Голодные, усталые, продрогшие, с огромной исторической ответственностью на плечах, Выборгские вожак собирались за городом, по огородам, чтобы перекинуться впечатлениями дня и наметить сообща маршрут... чего? новой демонстрации? Но к чему приведет безоружная демонстрация, раз правительство решилось идти до конца? Этот вопрос сверлит сознание. "Казалось одно: восстание ликвидируется". Здесь мы слышим голос уже знакомого нам Каюрова, и в первый момент нам кажется, что этот голос не его. Так низко упал барометр перед бурей.

В часы, когда колебания охватывают даже наиболее близких к массам революционеров, само движение зашло, в сущности, значительно дальше, чем представляется его участникам. Еще накануне, к вечеру 25 февраля, Выборгская сторона оказалась полностью в руках восставших. Полицейские участки были разгромлены, отдельные чины полиции убиты, большинство скрылось. Градоначальство начисто утратило связь с огромной частью столицы, 26-го утром обнаружилось, что не только Выборгская сторона, но и Пески, почти вплоть до Литейного, находятся во власти восставших. По крайней мере, так определяли положение донесения полиции. В известном смысле это было верно, хотя восставшие вряд ли отдавали себе в этом полный отчет: полиция во многих случаях, несомненно, покидала свое логово прежде, чем оно подвергалось угрозе со стороны рабочих. Но и независимо от этого очищение фабричных районов от полиции не могло иметь в глазах рабочих решающего значения: ведь войска еще не сказали своего последнего слова. Восстание "ликвидируется", думалось смелым из смелых. Между тем оно только разворачивалось.

26 февраля приходилось на воскресенье, заводы не работали, и это не позволяло с утра измерить объемом стачки силу напора масс. К тому же рабочие лишены были возможности собраться на заводах, как они делали в предшествующие дни, и это затрудняло демонстрации. Утром на Невском было тихо. В эти часы царица телеграфировала царю: "В городе спокойно". Но спокойствие длится недолго. Рабочие постепенно сосредоточиваются и двигаются со всех пригородов в центр. Их не пускают по мостам. Они валят по льду: ведь стоит еще только февраль, и вся Нева представляет один ледяной мост. Обстрел толпы на льду недостаточен, чтобы сдержать ее. Город преобразился. Всюду патрули, заставы, разъезды конницы. Пути к Невскому особенно усиленно охраняются. То и дело раздаются залпы из невидимых засад. Число убитых и раненых растет. В разных направлениях движутся кареты скорой помощи. Откуда и кто стреляет, не всегда можно разобрать. Несомненно, что жестоко проученная полиция решила больше не подставлять себя. Она стреляет из окон, через балконные двери, из-за колонн, с чердаков. Создаются гипотезы, которые легко превращаются в легенды.

Говорят, что для устрашения демонстрантов много солдат переодето в полицейские шинели. Говорят, что Протопопов разместил многочисленные пулеметные посты на чердаках домов. Комиссия, созданная после революции, не обнаружила этих постов. Но это не значит, что их не было. Однако полиция в этот день отступает на задний план. В дело окончательно вступают войска. Им настрого приказано стрелять, и солдаты, главным образом учебные команды, т. е. унтер-офицерские школы полков, стреляют. По официальным данным, в этот день было до 40 убитых и столько же раненых, не считая тех, что уведены и унесены толпой. Борьба переходит в решающую стадию. Отхлынет ли масса перед свинцом на свои окраины? Нет, она не отхлынула. Она хочет добиться своего.

Чиновничий, буржуазный, либеральный Петербург в испуге. Председатель Государственной думы Родзянко требовал в этот день присылки надежных войск с фронта; затем "передумал" и порекомендовал военному министру Беляеву разгонять толпу не стрельбой, а холодной водой из кишки, через пожарных. Беляев, посоветовавшись с генералом Хабаловым, ответил, что окачивание водой приводит к обратному действию "именно потому, что возбуждает". Так шли на либерально-сановно-полицейской верхушке беседы об относительных преимуществах холодного и горячего душа для восставшего народа. Полицейские донесения за этот день свидетельствуют, что пожарной кишки недостаточно: "Во время беспорядков наблюдалось, как общее явление, крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа, в ответ на предложение разойтись, бросала камнями и комьями сколотого с улицы льда. При предварительной стрельбе войсками вверх толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов, по прекращении стрельбы, вновь выходили на улицу". Этот полицейский обзор свидетельствует о чрезвычайно высокой температуре масс. Правда, мало вероятно, чтобы толпа сама начинала бомбардировку войск, хотя бы и учебных команд, камнями и льдом: это слишком противоречит психологии восставших и их мудрой тактике по отношению к армии. Ради дополнительного оправдания массовых убийств краски в донесении не совсем те и положены не совсем так, как было на деле. Но основное передано верно и с замечательной яркостью: масса не хочет больше отступать, она сопротивляется с оптимистической яркостью, остается на улице даже после убийственных залпов, цепляется не за жизнь, а за мостовую, за камни, за лед. Толпа не просто ожесточена, она отважна. Это потому, что, несмотря на расстрелы, толпа не теряет веру в войска. Она рассчитывает на победу и хочет добиться ее во что бы то ни стало.

Нажим рабочих на армию усиливается -- навстречу нажиму на армию со стороны властей. Петроградский гарнизон окончательно попадает в фокус событий. Выжидательный период, длившийся почти три дня, когда главная масса гарнизона имела возможность сохранять дружественный нейтралитет

по отношению к восставшим, пришел к концу. "Стреляй по врагу!" -- приказывает монархия. "Не стреляй по братьям и сестрам!" -- кричат рабочие и работницы. И не только это: "Иди с нами!" Так, на улицах и площадях, у мостов, у казарменных ворот шла непрерывная, то драматическая, то незаметная, но всегда отчаянная борьба за душу солдата. В этой борьбе, в этих острых контактах рабочих и работниц с солдатами, под непрерывную трескотню ружей и пулеметов, решалась судьба власти, войны и страны.

Расстрелы демонстрантов усиливают в рядах руководителей неуверенность. Самый размах движения начинает казаться опасным. Даже на заседании Выборгского комитета 26-го вечером, т. е. за 12 часов до победы, поднимались разговоры на тему, не пора ли призвать к окончанию забастовки. Это может показаться поразительным. Но дело в том, что победу гораздо легче узнать на другой день, чем накануне. Впрочем, настроения меняются часто под толчками событий и вестей. Упадок духа быстро сменяется приливом бодрости. Личного мужества у Каюровых и Чугуриных достаточно, но моментами щемит чувство ответственности за массу. Среди рядовых рабочих колебаний меньше. Об их настроениях доносил по начальству хорошо осведомленный агент охраны Шурканов, игравший крупную роль в организации большевиков¹². "Так как воинские части не препятствовали толпе, -- писал провокатор, -- а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то массы получили уверенность в своей безнаказанности, и ныне после двух дней беспрепятственного хождения по улицам, когда революционные круги выдвинули лозунги: "Долой войну" и "Долой самодержавие", народ уверился в мысли, что началась революция, что успех за массами, что власть бессильна подавить движение в силу того, что воинские части на ее стороне, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня-завтра выступят открыто на сторону революционных сил, что начавшееся движение уже не стихнет, а будет без перерыва расти до полной победы и государственного переворота". Замечательная по сжатости и яркости характеристика! Донесение представляет собою ценнейший исторический документ. Это не помешает, конечно, победоносным рабочим расстрелять его автора.

Провокаторы, число которых огромно, особенно в Петрограде, больше, чем кто бы то ни было, боятся победы революции. Они ведут свою политику: на большевистских совещаниях Шурканов отстаивает самые крайние действия; в донесениях охране внушает необходимость решительного применения оружия. Может быть, Шурканов с этой целью старался даже преувеличить наступательную уверенность рабочих. Но в основном он прав: события скоро подтвердят его оценку. Колебались и гадали верхи в обоих лагерях, ибо ни один не мог априорно измерить соотношение сил. Внешние показатели окончательно перестали служить мерилем: одна из главных черт революционного кризиса и состоит в остром противоречии между сознанием и старыми формами общественных связей. Новое соотношение сил таинственно гнездились в сознании рабочих и солдат. Но именно переход

правительства в наступление, вызванный предшествующим наступлением революционных масс, перевел новое соотношение сил из потенциального состояния в действенное. Рабочий жадно и повелительно заглядывал в глаза солдату, а тот беспокойно и неуверенно отводил свой взор: это означало, что солдат уже как бы сам не ручается за себя. Рабочий подходил к солдату смелее. Тот угрюмо, но не враждебно, скорее виновато отмалчивался, а иногда -- все чаще -- отвечал с напускной суровостью, чтобы скрыть, как тревожно у него сердце колотится в груди. Так совершался перелом. Солдат явно стряхивал с себя свое солдатство. Он сам себя при этом не сразу узнавал. Начальство говорило, что солдата опьяняла революция; солдату казалось, наоборот, что он протрезвляется от казарменного опиума. Так подготовился решающий день: 27 февраля.

Однако уже накануне произошел факт, который, несмотря на свою эпизодичность, окрашивает собою по-новому все события 26 февраля: к вечеру восстала 4-я рота лейб-гвардии Павловского полка. В письменном донесении полицейского надзирателя совершенно категорически указывается причина восстания: "негодование к учебной команде того же полка, которая находилась в наряде на Невском и стреляла по толпе". Кто известил об этом 4-ю роту? Сведения об этом случайно сохранилось. Около 2 часов дня к казармам Павловского полка прибежала кучка рабочих: перебивая друг друга, они передавали о стрельбе на Невском. "Скажите товарищам, что и павловцы в нас стреляют, мы видели на Невском солдат в вашей форме". Это был жгучий укор, пламенный призыв. "Все были расстроены и бледны". Семя упало не на камень. К 6 часам 4-я рота самовольно покинула казармы под командой унтер-офицера -- кто он? имя его потонуло бесследно в ряду сотен и тысяч таких же героических имен -- и направилась к Невскому, чтобы снять свою учебную команду. Это не солдатский бунт из-за червивой солонины, это акт высокой революционной инициативы. По пути рота имела стычку с конным полицейским разъездом, стреляла, одного городского и одну лошадь убила, другого городского и другую лошадь ранила. Дальнейший путь восставших в уличном вихре не прослежен. Рота вернулась в казармы и подняла на ноги весь полк. Но оружие было спрятано; по некоторым данным, солдаты овладели все же тридцатью винтовками. Вскоре их окружили преображенцы. 19 павловцев были арестованы и посажены в крепость; остальные сдались. По другим сведениям, начальство недосчиталось в тот вечер 21 солдата с винтовками. Опасная течь! Эти 21 солдат будут всю ночь искать союзников и защитников. Спасти их может только победа революции. От них рабочие наверняка узнают о том, что произошло. Это неплохое предзнаменование для завтрашних боев.

Набоков, один из самых видных либеральных вождей, правдивые воспоминания которого кажутся местами дневником его партии и его класса, возвращался из гостей пешком домой в час ночи, по темным и настороженным улицам, "встревоженный и с мрачными предчувствиями". Возможно, что на одном из перекрестков ему попался беглый павловец. Оба поспешили разминуться: им нечего было сказать друг другу. В рабочих

квартилах и в казармах одни дежурили или совещались, другие спали полусном бивуака и лихорадочно бредили завтрашним днем. Там беглый павловец нашел приют.

* * *

Как бедны записи массовых боев за февральские дни, скудны даже по сравнению с необильными записями октябрьских боев. В октябре восставшими руководила изо дня в день партия; в ее статьях, воззваниях и протоколах записана хотя бы внешняя последовательность борьбы. Не то в феврале. Сверху массами почти не руководили. Газеты молчали, ибо царила стачка. Массы, не оглядываясь, сами делали свою историю. Восстановить живую картину событий, которые совершились на улицах, почти невозможно. Хорошо еще, если можно воссоздать их общую последовательность и внутреннюю закономерность.

Правительство, еще не выронившее аппарата власти, обзревало события в целом хуже даже, чем левые партии, которые, как мы знаем, меньше всего были на высоте. После "успешных" расстрелов 26-го министры на миг воспрянули духом. На рассвете 27-го Протопопов успокоительно доносил, что, по полученным сведениям, "часть рабочих намеревается приступить к работам". Но рабочие и не думали возвращаться к станкам. Расстрелы и неудачи вчерашнего дня не обескуражили массы. Как это объяснить? Очевидно, минусы превышались какими-то плюсами. Разливаясь по улицам, сталкиваясь с врагом, встряхивая солдат за плечи, проползая под брюхом лошадей, наступая, разбегаясь, оставляя на перекрестках трупы, захватывая изредка оружие, передавая вести, подхватывая слухи, восставшая масса становится коллективным существом с бесчисленным количеством глаз, ушей, щупальцев. Вернувшись к ночи с арены борьбы к себе, в заводские кварталы, масса перемалывает впечатления дня и, отсеивая мелкое и случайное, подводит свой тяжеловесный итог. В ночь на 27-е этот итог сложился примерно так, как докладывал властям провокатор Шурканов.

С утра рабочие снова стекаются к заводам и на общих собраниях постановляют продолжать борьбу. Особенно решительно настроены, как всегда, выборжцы. Но и в других районах утренние митинги проходят с большим подъемом. Продолжать борьбу! Но что это сегодня значит? Всеобщая стачка разрешилась революционными демонстрациями громадных масс, а демонстрации привели к столкновению с войсками. Продолжать борьбу -- значит сегодня звать к вооруженному восстанию. Но этот призыв никем не брошен. Он неотвратимо вырастает из событий, но он совершенно не поставлен в порядок дня революционной партией.

Искусство революционного руководства в наиболее критические моменты на девять десятых состоит в том, чтобы уметь подслушать массу, как Каюров подсмотрел движение казачьей брови, только в более широком масштабе. Непревзойденная способность подслушать массу составляла великую силу Ленина. Но Ленина в Петрограде не было. Легальные и полуполулегальные "социалистические" штабы, Керенские, Чхеидзе, Скобелевы и все те, которые вокруг них вертятся, изрекали предостережения и

противодействовали движению. Но и центральный большевистский штаб, состоявший из Шляпникова, Залуцкого и Молотова, поражает беспомощностью и отсутствием инициативы. Фактически районы и казармы были предоставлены самим себе. Первое воззвание к войскам было выпущено только 26-го одной из социал-демократических организаций, близкой к большевикам. Это воззвание, имевшее достаточно нерешительный характер -- даже призыва переходить на сторону народа оно в себе не заключало, -- распространилось с утра 27-го по всем районам. "Однако, -- свидетельствует руководитель организации Юренев, -- темп революционных событий был таков, что наши лозунги уже отставали от него. К моменту, когда листки проникли в солдатскую гущу, последняя совершила свое выступление". Что касается большевистского центра, то Шляпников, по требованию Чугурина, одного из лучших рабочих вожаков февральских дней, только 27-го утром написал воззвание к солдатам. Было ли оно напечатано? В лучшем случае оно могло явиться к шапочному разбору. Повлиять на события 27 февраля оно никак не могло. Приходится установить, как правило: руководители отставали в те дни тем больше, чем выше стояли.

Но восстание, никем не названное по имени, встало тем не менее в порядок дня. Все мысли рабочих направлены на армию. Неужели мы ее не сдвинем? Разрозненной агитации сегодня уже недостаточно. Выборжцы устроили у казарм Московского полка митинг.

Предприятие оказалось неудачным: трудно ли офицеру или фельдфебелю привести в движение рукоятку пулемета? Рабочие были разогнаны жестоким огнем. Такая же попытка была сделана у казарм Запасного полка. И там то же: между рабочими и солдатами оказались офицеры с пулеметом. Рабочие вожаки неистовствовали, искали оружие, требовали его у партии. Они получали в ответ: оружие у солдат, достаньте у них. Это они знали и сами. Но как достать? Не сорвется ли сегодня все сразу? Так надвинулась критическая точка борьбы. Либо пулемет сметет восстание, либо восстание овладеет пулеметом.

В своих воспоминаниях Шляпников, главная фигура в тогдашнем петербургском центре большевиков, рассказывает, как он, на требование рабочими оружия, хотя бы револьверов, отказывал, отсылая за оружием в казармы. Он хотел таким образом избежать кровавых столкновений между рабочими и солдатами, ставя всю ставку на агитацию, т. е. на завоевание солдат словом и примером. Мы не знаем других свидетельств, которые подтверждали или опровергали бы это показание видного руководителя тех дней, свидетельствующее скорее об уклончивости, чем о дальновидности. Проще было бы признать, что у руководителей не было никакого оружия. Несомненно, что судьба каждой революции на известном этапе разрешается переломом настроения армии. Против многочисленной, дисциплинированной, хорошо вооруженной и умело руководимой воинской силы безоружные или почти безоружные народные массы не могли бы одержать победы. Но каждый глубокий национальный кризис не может в той или другой степени не захватить и армию; таким образом, вместе с

условиями действительно народной революции подготавливается и возможность -- конечно, не гарантия -- ее победы. Однако переход армии на сторону восставших не происходит сам собою и не является результатом одной лишь агитации. Армия разнородна, и ее антагонистические элементы связаны террором дисциплины. Революционные солдаты еще накануне решающего часа не знают, какую силу они представляют и каково их возможное влияние. Разнородны, конечно, и рабочие массы. Но последние имеют неизмеримо больше возможностей проверить свои ряды в процессе подготовки решающего столкновения. Стачки, митинги, демонстрации являются столько же актами борьбы, сколько и ее измерителями. Не вся масса участвует в стачке. Не все стачечники готовы к бою. В наиболее острые моменты на улице оказываются самые решительные. Колеблющиеся, уставшие или консервативные сидят по домам. Здесь революционный отбор происходит сам собою, люди отсеиваются на решетке событий. Иначе обстоит с армией. Революционные солдаты, сочувствующие, колеблющиеся, враждебные остаются связаны принудительной дисциплиной, нити которой сосредоточиваются до последнего момента в кулаке офицерства. Солдатские ряды по-прежнему рассчитываются ежедневно на "первых" и "вторых"; но как им рассчитаться на мятежных и покорных?

Психологический момент перехода солдат на сторону революции подготавливается долгим молекулярным процессом, который, как и все процессы природы, имеет свою критическую точку. Но как определить ее? Военная часть вполне может быть подготовленной для присоединения к народу, но не получить извне необходимого толчка. Революционное руководство еще не верит в возможность иметь на своей стороне армию и проходит мимо победы. После этого созревшего, но не осуществившегося восстания в войсках может произойти реакция: солдаты потеряют вспыхнувшую в их душах надежду, протянут снова шею в ярмо дисциплины и при новой встрече с рабочими окажутся уже против восставших, особенно на дистанции. В этом процессе много невесомых или трудновзвешиваемых величин, перекрещивающихся токов, коллективных внушений и самовнушений. Но из всего этого сложного переплета материальных и психических сил выступает с неотразимой яркостью один вывод: солдаты в массе своей тем более оказываются способны отвести в сторону штыки или перейти с ними к народу, чем больше они убеждаются, что восставшие действительно восстали; что это не демонстрация, после которой придется снова возвращаться в казарму и сдавать отчет; что это борьба не на жизнь, а на смерть; что народ может победить, если к нему примкнут, и что это не только обеспечит безнаказанность, но и принесет облегчение всей участи. Другими словами, перелом в настроении солдат восставшие могут вызвать лишь в том случае, если сами они действительно готовы вырвать победу какую угодно ценою, следовательно, и ценою крови. А эта высшая решимость никогда не может и не хочет быть безоружной.

Критический час соприкосновения напиральной массы и преграждающих путь солдат имеет свою критическую минуту: это когда

серая застава еще не рассыпалась, еще держится плечо к плечу, но уже колеблется, а офицер, собрав последнюю силу решимости, отдает команду "пли". Крик толпы, вопль ужаса и угрозы, заглушает голос команды, но только наполовину. Ружья колышутся, толпа напирает. Тогда офицер направляет дуло револьвера на самого подозрительного из солдат. Из решающей минуты выступает ее решающая секунда. Гибель наиболее смелого солдата, на которого невольно оглядываются остальные, выстрел по толпе унтера из винтовки, выхваченной у убитого, -- застава смыкается, ружья разряжаются сами, сметая толпу в переулки и дворы. Но сколько раз, начиная с 1905 года, бывало иначе: в самый критический миг, когда офицер готов спустить курок, его предупреждает выстрел из толпы, где есть свои Каюровы и Чугурины. Это решает не только судьбу уличной стычки, но, может быть, судьбу всего дня, даже всего восстания.

Задача, которую ставил себе Шляпников: оберечь рабочих от враждебных стычек с войсками, не давая восставшим в руки огнестрельного оружия, вообще невыполнима. Прежде чем дело дошло до столкновения с войсками, происходили бесчисленные стычки с полицией. Уличная борьба начиналась с разоружения ненавистных "фараонов", их револьверы переходили в руки восставших. Само по себе это слабое, почти игрушечное оружие против винтовок, пулеметов и пушек врага. Но подлинно ли они в руках врата? Для проверки этого рабочие и требовали оружия. Вопрос решается в области психологической. Но и в восстании психические процессы неотделимы от вещественных. Путь к солдатской винтовке ведет через револьвер, отнятый у фараона.

Переживания солдат в те часы были менее активны, чем переживания рабочих, но не менее глубоки. Напомним снова, что гарнизон состоял преимущественно из многотысячных запасных батальонов, предназначенных для пополнения находившихся на фронте полков. Этим людям, в большинстве своем отцам семейств, предстояло идти в окопы, когда война была уже проиграна, а страна разорена. Они не хотели войны, они хотели вернуться домой, к хозяйству. Они достаточно хорошо знали, что творится при дворе, и не чувствовали ни малейшей привязанности к монархии. Они не хотели воевать с немцами и еще меньше -- с петербургскими рабочими. Они ненавидели правящий класс столицы, наслаждающийся во время войны. В их среде были рабочие с революционным прошлым, которые умели всем этим настроениям дать обобщенное выражение.

Довести солдат от глубокого, но еще не прорвавшегося наружу революционного недовольства до открытых мятежных действий или, на первых порах, хотя бы до мятежного отказа от действий -- такова была задача. На третий день борьбы солдаты окончательно утратили возможность удерживаться на позиции благожелательного нейтралитета по отношению к восстанию. Лишь случайные осколки того, что творилось в те часы по линии соприкосновения рабочих и солдат, дошли до нас. Мы слышали накануне, как страстно рабочие жаловались павловцам на поведение их учебной команды. Такие сцены, такие беседы, упреки, призывы разыгрывались во

всех концах города. У солдат не оставалось больше времени на колебания. Их заставили вчера стрелять, сегодня заставят снова. Рабочие не сдаются, не отступают, под свинцом хотят добиться своего. И с ними работницы, жены, матери, сестры, возлюбленные. Да ведь это же и есть тот самый час, о котором так часто говорилось шепотом по углам: "Если бы всем вместе..." И в момент наивысших мучений, невыносимого страха перед наступающим днем, задыхающейся ненависти к тем, которые навязывают палаческую роль, раздаются в казарме первые голоса открытого возмущения, и в этих голосах, так и оставшихся безымянными, вся казарма с облегчением, с восторгом узнает себя. Так поднялся над землей день крушения романовской монархии.

На утреннем собрании у неутомимого Каюрова, где было до 40 представителей с заводов и фабрик, большинство высказалось за продолжение движения. Большинство, но не все. Досадно, что нельзя установить, какое большинство. Но в те часы было не до протоколов. Впрочем, решение оказалось запоздалым: собрание было прервано опьяняющей вестью о восстании солдат и о раскрытии тюрем. "Шурканов расцеловался со всеми присутствующими". Поцелуй Иуды, но, к счастью, не перед распятием.

Один за другим восстали с утра, перед выводом из казармы, запасные гвардейские батальоны, продолжив то, что начала накануне 4-я рота павловцев. В документах, записях, воспоминаниях это грандиозное событие человеческой истории оставило лишь бледный и тусклый отпечаток. Угнетенные массы, даже когда они поднимаются на самые высоты исторического творчества, мало рассказывают о себе и еще меньше записывают. А захватывающее торжество победы смывает затем работу памяти. Возьмем то, что есть.

Первыми поднялись солдаты Волынского полка. Уже в 7 часов утра батальонный командир потревожил Хабалова по телефону, чтобы сообщить ему грозную весть: учебная команда, т. е. часть, особо предназначенная для умирительной работы, отказалась выходить, начальник ее убит или сам застрелился перед фронтом; вторая версия была, впрочем, скоро отброшена. Сжегши за собой мосты, волынцы устремились расширять базу восстания: в этом теперь было для них единственное спасение. Они бросились в соседние казармы Литовского и Преображенского полков, "снимая" солдат, как стачечники снимают рабочих, переходя с завода на завод. Некоторое время спустя Хабалов получил донесение, что вольшцы не только не сдают винтовки, как приказал генерал, но вместе с преображенцами и литовцами и, что еще страшнее, "соединившись с рабочими", разгромили казармы жандармского дивизиона. Это свидетельствует, что вчерашний опыт павловцев не пропал: восставшие нашли руководителей и вместе с тем план действий.

В ранние утренние часы 27-го рабочие представляли себе решение задачи восстания неизмеримо дальше, чем оно было на деле. Вернее сказать, они видели задачу почти полностью впереди, тогда как она была уже на девять десятых позади. Революционный натиск рабочих на казармы совпал с

готовым уже революционным движением солдат на улицы. В течение дня эти два мощных потока сливаются воедино, чтобы бесследно размыть и снести сперва крышу, затем стены, а позже и фундамент старого здания.

Чугурин одним из первых явился на квартиру большевиков с винтовкой в руках и лентой патронов через плечо, "весь перепачканный, но сияющий и победный". Еще бы не сиять! Солдаты с оружием в руках переходят к нам! Кое-где рабочим уже удалось соединиться с солдатами, проникнуть в казармы, получить винтовки и патроны. Выборжцы, совместно с наиболее решительной частью солдат, наметили план действий: захват полицейских участков, в которых засели вооруженные городовые; разоружение всех полицейских чинов; освобождение рабочих, сидящих по участкам, и политических заключенных из тюрем; разгром правительственных отрядов в самом городе, соединение с еще не поднятыми на ноги воинскими частями и рабочими других районов.

Московский полк присоединился к восстанию не без внутренней борьбы. Поразительно, что этой борьбы в полках вообще было так мало. Монархическая верхушка бессильно отваливалась от солдатской массы и либо пряталась по щелям, либо спешила перекраситься. "В два часа дня, -- вспоминает рабочий завода "Арсенал" Королев, -- с выходом Московского полка мы вооружились... Мы взяли по револьверу и винтовке, отобрали подошедшую группу солдат (некоторые из них попросили ими командовать и указывать, что делать) и направились на Тихвинскую улицу для обстрела полицейского участка". Таким образом, рабочие ни на минуту не затруднились указать солдатам, "что делать".

Одна за другой приходили радостные вести о победах: появились свои броневики! Под красными знаменами они наводили по районам ужас на всех еще не покорившихся. Теперь уже не нужно проползать под брюхом казачьей лошади. Революция становится во весь рост!

Часам к двенадцати дня Петроград снова стал полем военных действий: ружейная и пулеметная стрельба раздавалась всюду. Кто и где стреляет, не всегда можно разобрать. Ясно одно: перестреливаются прошлое и будущее. Немало и зряшной стрельбы: подростки палят из неожиданно доставшихся револьверов. Разбит арсенал: "говорят, одних браунингов разобрали по рукам несколько десятков тысяч". От горевших зданий окружного суда и полицейских участков тянулись к небесам столбы дыма. В некоторых пунктах стычки и перестрелки сгущались до настоящих сражений. На Сампсониевском проспекте к баракам, занятым самокатчиками, часть которых толпится в воротах, подходят рабочие. "Что же стоите, товарищи?" Солдаты улыбаются, "нехорошо улыбаются", свидетельствует один из участников, молчат, офицеры грубо приказывают рабочим проходить дальше. Самокатчики, как и кавалеристы, являлись и в Февральской революции и в Октябрьской наиболее консервативными частями армии. Перед забором скопляются скоро рабочие и революционные солдаты. Надо вывести подозрительный батальон! Кто-то сообщает, что послано за броневиками: иначе не взять, пожалуй, самокатчиков, которые укрепились,

выставив пулеметы. Но массе трудно ждать: она тревожно нетерпелива и в своем нетерпении права. Прозвучали первые выстрелы с обеих сторон. Но мешает дощатый забор, отделяющий солдат от революции. Наступающие решили свалить забор. Часть свалили, а часть подожгли. Бараки обнажились, числом около двадцати. Самокатчики сосредоточились в двух-трех. Свободные бараки были тут же подожжены. Через шесть лет Каюров будет вспоминать: "Пылающие бараки и сваленный окружающий их забор, пулеметная и ружейная стрельба, возбужденные лица осаждающих, примчавшийся грузовик, наполненный вооруженными революционерами, и, наконец, явившийся броневик со сверкающими дулами орудий представляли собой великолепнейшую, незабываемую картину". Это старая царская крепостная, поповско-полицейская Россия горела бараками и заборами, исходила огнем и дымом, издыхала в икотке пулеметной стрельбы. Как же было не восторгаться Каюрову, десяткам, сотням, тысячам Каюровых! Прибывший броневик дал несколько пушечных выстрелов по бараку с засевшими в нем офицерами и самокатчиками. Командующий защитой был убит, офицеры, сняв погоны и знаки отличия, бежали через прилегающие к баракам огороды, остальные сдались. Пожалуй, это было самое крупное из столкновений дня.

Военное восстание получило тем временем эпидемический характер. Не восстали в этот день только те части, которые не успели восстать. К вечеру примкнули солдаты Семеновского полка, знаменитого зверским усмирением московского восстания 1905 года: одиннадцать лет не прошли бесследно! Вместе с егерями семеновцы уже совсем ночью сняли измайловцев, которых начальство держало запертыми в казармах: этот полк, окруживший и арестовавший 3 декабря 1905 года первый Петроградский Совет, считался и теперь еще одним из отсталых. Царский гарнизон столицы, насчитывавший полтора-два тысяч солдат, распался, таял, исчезал. К ночи он уже не существовал.

После утреннего известия о восстании полков Хабалов пытается еще оказать сопротивление, направив против восставших сводный отряд, около 1000 человек, с самыми драконовскими инструкциями. Но судьба отряда принимает таинственный характер. "Начинает твориться в этот день нечто невозможное, -- рассказывает после переворота несравненный Хабалов. -- Отряд двинут, двинут с храбрым офицером, решительным, -- речь идет о полковнике Кутепове, -- но... результатов нет". Посланные вслед этому отряду роты также пропадали бесследно. Генерал начал формировать резервы на Дворцовой площади, но "не было патронов и неоткуда было их добыть". Это все из подлинных показаний Хабалова перед следственной комиссией Временного правительства. Куда же девались все-таки усмирительные отряды? Нетрудно догадаться: они сейчас же по выступлении тонули в восстании. Рабочие, женщины, подростки, восставшие солдаты облепляли хабаловские отряды со всех сторон, либо считая их своими, либо стремясь сделать их такими, и не давали им двигаться иначе, как вместе с необозримой толпой. Сражаться с этой плотно облепившей, уже ничего не

боящейся, неисчерпаемой, всепроникающей массой можно было так же мало, как и фехтовать в тесте.

Одновременно с донесениями о восстании новых и новых полков шли требования надежных частей для усмирения восставших, для охраны телефонной станции. Литовского замка, Мариинского дворца и других еще более священных мест. Хабалов по телефону требовал прислать надежные части из Кронштадта, но комендант ответил, что сам опасается за крепость. Хабалов еще не знал, что восстание перекинулось и на соседние гарнизоны. Генерал пытался или делал вид, что пытается превратить Зимний дворец в редут, но план сейчас же был оставлен, как неосуществимый, и последняя горсточка "верных" войск перешла в адмиралтейство. Там диктатор озаботился наконец совершить наиболее важное и неотложное дело: напечатать для обнародования два последних правительственных акта -- об уходе Протопопова "по болезни" и об осадном положении в Петрограде. С последним действительно приходилось торопиться, так как уже через несколько часов армия Хабалова сняла "осаду" с Петрограда и разбежалась из адмиралтейства по домам. Только по неведению революция не арестовала еще 27-го вечером снабженного грозными полномочиями, но совсем не страшного генерала. Это было без осложнений сделано на следующий день.

Неужели же это и есть все сопротивление грозной императорской России перед лицом смертельной опасности? Да, почти все, несмотря на великий опыт расправы с народом и на тщательно разработанные планы. Позже опамятававшиеся монархисты объясняли легкость февральской победы народа особым характером петроградского гарнизона. Но весь дальнейший ход революции опровергает это объяснение. Правда, еще в начале рокового года камарилья подсказывала царю мысль о необходимости обновить гарнизон столицы. Царь дал без труда себя убедить в том, что гвардейская кавалерия, считавшаяся особо преданной, достаточно "долго пробыла в огне" и заслужила отдых в своих петроградских казармах. Однако после почтительных представлений фронта царь согласился на замену четырех полков конной гвардии тремя гвардейскими экипажами матросов. По версии Протопопова, замена была произведена будто бы без согласия царя, с вероломным умыслом со стороны командования: "Матросы набраны из рабочих и представляют самый революционный элемент в армии". Но это явный вздор. Просто высшее гвардейское офицерство, особенно кавалерийское, делало слишком хорошую карьеру на фронте, чтобы стремиться в тыл. Кроме того, оно должно было не без страха думать о предназначавшихся ему усмирительных функциях во главе полков, ставших на фронте совсем иными, чем были на столичном плацу. Как показали вскоре события на фронте, конная гвардия уже не отличалась в это время от остальной конницы, а переведенные в столицу матросы-гвардейцы отнюдь не играли активной роли в февральском перевороте. Все дело в том, что ткань режима окончательно сгнила, не осталось ни одной живой нитки...

В течение 27 февраля освобождены толпой без жертв политические арестованные из многочисленных столичных тюрем, в их числе

патриотическая группа военно-промышленного комитета, арестованная 26 января, и члены Петербургского комитета большевиков, захваченные Хабаловым 40 часов тому назад. Политическое размежевание происходит сейчас же за воротами тюрьмы: меньшевики-патриоты направляются в Думу, где распределяются роли и посты; большевики идут в районы, к рабочим и солдатам, чтобы заканчивать с ними завоевание столицы. Нельзя давать врагу передышку. Революцию больше, чем всякое другое дело, надо доводить до конца.

Кто надумил вести восставшие полки в Таврический дворец, ответить нельзя. Такой политический маршрут вытекал из всей обстановки. К Таврическому дворцу, как средоточию оппозиционной информации, естественно тяготели все элементы радикализма, не связанные с массами. Весьма вероятно, что именно эти элементы, внезапно почувствовавшие 27-го приток жизненных сил, выступали в качестве проводников восставшей гвардии. Эта роль была почетной и уже почти безопасной. Дворец Потемкина по всему своему расположению оказался как нельзя более подходящим в качестве центра революции. Одной только улицей Таврический сад отделен от целого военного городка, где расположены гвардейские казармы и размещен ряд военных учреждений. Правда, в течение многих лет эта часть города считалась и правительством и революционерами военным оплотом монархии. Да так оно и было. Но сейчас все повернулось. Из гвардейского сектора вышло солдатское восстание. Восставшим частям достаточно было пересечь улицу, чтобы упереться в сад Таврического дворца, который лишь одним кварталом отделен от Невы. А за Невой простирается Выборгский район, паровой котел революции: рабочим достаточно пройти по Александровскому мосту, а если он разведен, по льду Невы, чтобы попасть в гвардейские казармы или в Таврический дворец. Так этот разнородный и противоречивый по происхождению северо-восточный треугольник Петербурга: гвардия, дворец Потемкина и гиганты заводы, плотно сомкнулся в плацдарм революции.

В здании Таврического дворца уже создаются или намечаются разные центры, в том числе и полевой штаб восстания. Нельзя сказать, чтобы он имел очень серьезный характер. "Революционные" офицеры, т. е. офицеры, чем-нибудь, хотя бы недоразумением связанные в прошлом с революцией, но благополучно проспавшие восстание, спешат после его победы напомнить о себе или, по прямому призыву других, являются "на службу революции". Они глубокомысленно обзеревают положение и пессимистически покачивают головами. Ведь эти взбудораженные толпы солдат, часто безоружных, совсем не боеспособны. Ни артиллерии, ни пулеметов, ни связи, ни командиров. Врагу достаточно одной крепкой части! Сейчас революционные толпы препятствуют, правда, каким бы то ни было планомерным операциям на улицах. Но на ночь рабочие уйдут к себе, обыватель затихнет, город опустеет. Если Хабалов ударит крепкой частью по казармам, он может оказаться хозяином положения. Эта мысль, кстати сказать, проходит в дальнейшем в разных вариантах через все этапы

революции. Дайте мне крепкий полк, будут не раз говорить в своем кругу лихие полковники, и я смету вам в два счета всю эту нечисть. Некоторые, как увидим, попробуют. Но всем придется повторять слова Хабалова: "Отряд двинут, с храбрым офицером, но... результатов нет".

Да и откуда им быть? Самый непоколебимый из всех возможных отрядов составляли полицейские и жандармы, отчасти учебные команды некоторых полков. Но они оказывались жалкими перед натиском подлинных масс, как бессильными окажутся георгиевские батальоны и юнкерские училища через восемь месяцев, в октябре. Откуда было монархии достать эту спасительную воинскую часть, готовую и способную вступить в длительное и безнадежное единоборство с двухмиллионным городом? Революция кажется предприимчивым на словах полковникам беззащитной, потому что она еще ужасающе хаотична: везде движения без цели, встречные потоки, людские водовороты, изумленные, точно внезапно оглохшие фигуры, расхлястанные шинели, жестикулирующие студенты, солдаты без ружей, ружья без солдат, стреляющие вверх подростки, тысячеголосый шум, вихри необузданных слухов, фальшивых страхов, ложных радостей -- стоит, кажется, занести над всем этим хаосом саблю, и все брызнет по сторонам без остатка. Но это была грубая ошибка зрения. Хаос только кажущийся. Под ним идет непреодолимая кристаллизация масс по новым осям. Эти неисчислимы толпы еще не определили для себя достаточно ясно, чего они хотят, но зато они пропитаны жгучей ненавистью к тому, чего больше не хотят. За их спиной уже непоправимый исторический обвал. Назад возврата нет. Если бы даже было кому разогнать их, они через час стали бы собираться снова, и второй прибой был бы более неистовым и кровавым. С февральских дней атмосфера Петрограда станет так накалена, что каждая враждебная воинская часть, попавшая в этот мощный очаг или только приблизившаяся к нему и опаленная его дыханием, преобразуется, теряет уверенность в себе, чувствует себя парализованной и без боя сдается на милость победителя. В этом убедится завтра генерал Иванов, присланный царем с фронта с батальоном георгиевских кавалеров. Через пять месяцев та же участь постигнет генерала Корнилова. Через восемь -- Керенского.

На улицах в предшествующие дни казаки казались наиболее податливыми: это потому, что их больше всего дергали. Но когда дело дошло до прямого восстания, конница еще раз оправдала свою консервативную репутацию, оказавшись позади пехоты, 27-го она еще сохраняла видимость выжидательного нейтралитета. Если Хабалов на нее уже не надеялся, то революция ее все еще опасалась.

Загадкой оставалась пока и Петропавловская крепость на острове, омываемом Невою, против Зимнего и великокняжеских дворцов. За своими стенами гарнизон крепости являлся или казался наиболее огражденным от внешних влияний мирком. Постоянной артиллерии в крепости нет, если не считать старинной пушки, ежедневно возвещающей петроградцам полдень. Но сегодня на стенах выставлены полевые орудия, наведенные на мост. Что там готовят? В Таврическом штабе ночью ломают себе голову над тем, как

быть с Петропавловкой, а в крепости мучаются вопросом, что сделает с ними революция. Наутро загадка разрешится: "на условии неприкосновенности офицерского состава" крепость сдастся Таврическому дворцу. Разобравшись в положении, что было не так трудно, офицеры крепости поторопятся предупредить неизбежный ход событий.

К вечеру 27-го в Таврический дворец тянутся солдаты, рабочие, студенты, обыватели. Здесь надеются найти тех, которые все знают, получить сведения или указания. Во дворец сносят с разных сторон оружие охапками и складывают в одной из комнат, превращенной в арсенал. Тем временем революционный штаб в Таврическом приступает ночью к работе. Он рассылает команды для охраны вокзалов и разведки по всем направлениям, откуда можно ждать опасности. Солдаты охотно и беспрекословно, хоть и крайне беспорядочно, выполняют распоряжения новой власти. Они требуют только каждый раз письменного приказа: инициатива исходит, вероятно, от оставшихся при полках осколков командного состава или от военных писарей. Но они правы: нужно немедленно вносить порядок в хаос. У революционного штаба, как и у только что возникшего Совета, нет еще никаких печатей. Революции предстоит еще только обзаводиться бюрократическим хозяйством. С течением времени она это сделает, увы, с избытком.

Революция начинает поиски врагов. По городу идут аресты, "самопроизвольные", будут укоризненно говорить либералы. Но вся революция самопроизвольна. В Таврический дворец приводят и приводят задержанных: председателя Государственного совета, министров, городских, агентов охраны, "германофильскую" графиню, жандармских офицеров целыми выводками. Некоторые сановники, как Протопопов, придут сюда сами арестоваться: так надежнее. "Стены зала, звучавшего хвалебными гимнами абсолютизму, слышали ныне лишь вздохи и рыдания, -- будет позже рассказывать выпущенная на волю графиня. -- Арестованный генерал без сил опустился на соседний стул. Несколько членов Думы любезно предложили мне чашку чая. Потрясенный до глубины души генерал говорил волнуясь: "Графиня, мы присутствуем при гибели великой страны!"

Тем временем не собиравшаяся гибнуть великая страна проходила мимо бывших людей, стуча сапогами, громяхая прикладами, потрясая воздух кликами и наступая на ноги. Революции всегда отличались неучтивостью: вероятно потому, что господствующие классы не озабочивались своевременно привитием народу хороших манер. Таврический становится временной ставкой, правительственным центром, арсеналом, арестантским замком революции, еще не отершей крови и пота с лица. Сюда, в этот водоворот пробираются и предприимчивые враги. Случайно обнаружен переодетый жандармский полковник, ведущий в углу свои записи, не для истории, а для военно-полевых судов. Солдаты и рабочие хотят покончить с ним тут же. Но люди из "штаба" вступаются и легко выводят жандарма из толпы. В это время революция еще благодушна, доверчива, мягкосердечна.

Она станет беспощадной только после долгого ряда измен, обманов и кровавых испытаний.

Первая ночь победоносной революции исполнена тревоги. Импровизированные комиссары вокзалов и других пунктов, в большинстве своем из случайной интеллигенции, по личным связям, выскочки, шапочные знакомые революции -- унтер-офицеры, особенно из рабочих, были бы куда полезнее! -- начинают нервничать, видят всюду опасности, нервируют солдат и без конца телефонируют в Таврический, требуя подкреплений. Там тоже волнуются, телефонируют, посылают подкрепления, которые чаще всего не доходят. "Те, что получают приказы, -- рассказывает один из участников ночного таврического штаба, -- не выполняют их; те, что действуют, -- действуют без приказа".

Без приказа действуют рабочие кварталы. Революционные вожаки, выведившие свои заводы, захватывавшие участки, снимавшие затем полки и громившие убежища контрреволюции, не спешат в Таврический, в штабы, в руководящие центры, наоборот, с иронией и недоверием кивают в эту сторону: уже слетаются молодчики на дележ шкуры не ими убитого и еще не добитого медведя. Рабочие-большевики, как и лучшие рабочие других левых партий, проводят дни на улицах, ночи в районных штабах, держат связь с казармой, готовят завтрашний день. В первую ночь победы они продолжают и развивают ту работу, которую выполняли в течение всех этих пяти суток. Они составляют молодой костяк революции, слишком еще рыхлой, как всякая революция на первых порах.

Набоков, уже знакомый нам член кадетского центра, состоявший в это время легализованным дезертиром в генеральном штабе, как всегда, отправился 27-го на службу и оставался в канцелярии, ничего не зная о событиях, до трех часов. Вечером на Морской слышались выстрелы, -- Набоков слушал их из своей квартиры, -- проносились броневики, отдельные солдаты и матросы пробегали, прижимаясь к стенам, -- почтенный либерал наблюдал их из боковых окон тамбура. "Телефон продолжал работать, и сведения о происходившем в течение дня передавались мне, помнится, моими друзьями. В обычное время мы легли спать". Этот человек будет скоро одним из вдохновителей Революционного (!) Временного правительства, под видом управляющего его делами. На улице к нему завтра подойдет незнакомый старик, какой-нибудь конторщик или, может быть, учитель, снимет шляпу и скажет: "Спасибо вам за все, что вы сделали для народа". Набоков об этом со скромной гордостью расскажет сам.